

Природы карт: картографические конструкции природного мира

Дэнис Вуд

Независимый исследователь, Роли, США, denis.wood@mac.com.

ДЖОН ФЕЛС (1948–2014)

Американский специалист по картографии и геоинформационным системам.

Ключевые слова: карта; картография; конструирование; природа.

Статья представляет собой адаптированную первую главу одноименной книги авторов. Главный концептуальный ход, который они предлагают, состоит в том, чтобы принять всерьез двусмысленность выражения «природа карт» — необходимость исследовать природу карт, исследуя природу карт, и наоборот. Каждая из этих двух природ может быть понята только в свете другой. Статья состоит из трех тематических частей. В первой с опорой на идеи Жерара Женетта и Ролана Барта карта представлена как сложное семиотическое устройство и неизбежно идеологическая конструкция. По аналогии с паратекстом, который Женетт разделяет на перитекст и эпитекст, вводится понятие паракarta (перикарта + эпикарта), позволяющее описать карту как мощный механизм создания и транспортировки авторитета в вопросах территории и, в конечном счете, власти над территорией.

Вторая часть статьи в режиме пред-варительных предположений обос-

новывает тезис, согласно которому когнитивная лингвистика с ее базовыми принципами и понятиями (прежде всего, ментальное пространство и отображение (*mapping*)) является хорошей моделью осмысления картографии. В третьей части на примере конкретных карт показывается, каким образом они участвуют в конструировании и реконструировании наших идей о природе, а в действительности о множестве разных природ: природе, находящейся под угрозой и той, которая угрожает, природе возвышенной и природе щедрой, природе, которую мы собираем, и той, которую исследуем, природе таинственной и непознаваемой, природе, куда мы отправляемся на пикник. Карты оказываются игроками в сложной социальной игре, определяющей отношение человеческого вида с остальным миром. Но претендуя на роль простого протоколиста счета игры, карты обнаруживают себе, скорее, как мяч, тот самый медиум, которым делаются ходы в этой игре.

ПРИРОДА карт — двусмысленное выражение, к тому же довольно-таки известное. В 1976 году Артур Робинсон и Барбара Бартц Печник использовали его в названии своей книги, снабдив ее подзаголовком «Очерки о понимании карт и картографирования». В 1991 году Брайан Харли в названии своей книги добавил к этому выражению «новая» — «Новая природа карт: очерки по истории картографии»¹.

Жест Харли был откровенно подрывным. И хотя он скончался прежде, чем смог написать введение, которое бы оправдало это название, издателю он предоставил следующее описание своих намерений:

Согласно господствующему взгляду на современную (*modern*) западную картографию, берущую свое начало в эпохе Ренессанса, это техническая дисциплина, располагающаяся на траектории прогресса. Претендующие на производство правильной реляционной модели местности (*terrain*), карты рассматриваются как воплощение репрезентационного модернизма, укорененного в проекте Просвещения и предлагающего изгнать субъективность из образа. Тем самым картографы обеспечили свою дисциплину стандартной научной моделью, в рамках которой утверждается, что отражение природы может быть получено при

Перевод с английского Станислава Гавриленко по изданию: © Wood D., Fels J. *The Natures of Maps: Cartographic Constructions of the Natural World*// *Cartographica*. 2008. Vol. 43. № 3. P. 189–202. Публикуется с любезного разрешения Дэниса Вуда.

1. *Robinson A., Petchenik B. The Nature of Maps: Essays Toward Understanding Maps and Mapping*. Chicago: University of Chicago Press, 1976; *Harley J. B. The New Nature of Maps: Essays in the History of Cartography*. Baltimore; L.: The Johns Hopkins University Press, 2001. Заметьте, что хотя книга Харли была опубликована только в 2001 году, рукопись, в которой отсутствовали обещанные введение и заключительные очерки, была подписана в печать десятилетиями ранее. Первоначально в качестве названия книги обсуждалось «Карты и общество», но Харли посчитал его «немного скучным: может быть, придумаем что-то более захватывающее?» (письмо Джорджу Томсону от 15 октября 1991 года). Через месяц в постскриптуме Харли пишет: «Пожалуйста, обратите внимание, что окончательное название книги, насколько я понимаю, „Новая природа карт: очерки по истории картографии“» (письмо Джорджу Томсону от 26 ноября 1991 года).

помощи геометрии и измерений. Более того, эта модель, принятая для карт, окрасила критические ценности историков картографии. Они часто оценивают ранние карты при помощи этого современного мерил, исключая таким образом из принятого картографического канона не только карты досовременной эпохи, но и карты из других культур, не соответствующие западным представлениям о точности.

В очерках этой книги — при помощи исторических примеров и критического исследования практик современной картографии — я предлагаю альтернативный взгляд на карты. Опираясь на идеи из философии, литературы, истории искусства, визуальных исследований, я подрываю позитивистскую модель картографии, замещая ее другой моделью, основанной на иконологической и семиотической теории природы карт. Карты значимы не столько потому, что обладают миметической ценностью, а потому что являются симулякрами, которые тем не менее могут оказывать глубокое влияние на то, как концептуализируется и организуется пространство в различных обществах. Тема власти является центральной для многих вошедших в эту книгу очерков. В них вскрывается способ, каким власть — военная, административная, религиозная или же экономическая — вписывается посредством картографии в пространство, а также исследуется и поясняется на примерах природа политического бессознательного карт. В новом введении и заключительных очерках различные аспекты этой дискуссии будут уточнены и дополнены. В заключении я обращаюсь к главному парадоксу картографии: хотя карта и не является территорией, она часто предшествует территории и даже становится ею².

Несмотря на все их различия, идеи Харли и Робинсона с Печник о природе карт, — а в первом абзаце Харли описывает как раз позицию Робинсона и Печник — отсылают именно к природе *карт*, то есть к природе, или внутренней сущности карт в ее отличии от природы *живописи, спорта* или *маленьких собак*. Но в равной степени выражение «природа карт» может относиться к *природе* карт, то есть к концептам природного (в отличие от культурного), изображаемым и приводимым к существованию на картах и при помощи карт.

Наше намерение состоит в том, чтобы одновременно занять позицию в этой истории идей о природе карт и схватить двусмысленность этого выражения — исследовать природу *карт*, исследуя

2. Это выдержки из ответов Харли от 25 ноября 1991 года на вопросы анкеты для авторов Издательства Университета Джона Хопкинса.

природу карт, и наоборот. Каждая из этих двух природ может быть понята только в свете другой. Мы покажем, что *природа*, вызываемая к жизни картами (вообще-то, таких природ множество), зависит от природы *карт*, в то время как природу *карт* можно лучше всего понять через картографирование ими *природы*. Это вытекает из самой идеи природы, которая предполагает что-то неотъемлемое, сущность, физическое, внешнее (*the out-of-doors*), силы физического мира, первозданное, нетронутое цивилизацией, неподверженное влиянию искусственности — реальное. Природа хочет быть просто рожденной, исконной, дикой, простодушной, естественной, неискушенной, бесхитростной, незагрязненной, аполитичной, но прежде всего *неидеологичной* — слово, которым Харли кратко характеризует то, о чем он пишет в своих очерках: это

... исследование смыслов, в которых карты являются идеологическими конструкциями, и способов, которыми их использовали как классическую форму власти/знания в обществах прошлого³.

За годы, прошедшие с тех пор, как Харли написал эти слова, стало очевидным, что многие, хотя далеко не все, готовы признать карты идеологическими конструкциями, когда дело касается зонирования, школьных и избирательных округов (люди обожают говорить о джерримендеринге), национальных границ. Но тогда предметы подобных карт начинают пониматься как *в первую очередь* человеческие конструкции. Утверждается, что нет ничего естественного в политических границах, все они — порождения идеологии. Таким образом идеологическая конструкция перемещается с карты на ее предмет. Сама карта остается незараженной; она восстанавливается как всего лишь проводник (чем она с самого начала и претендовала быть), который передает неискаженным идеологическое — и *все остальное* — содержание карты. Если и есть искажение, то это ложь во благо, обусловленная трудностями печати мира на бумаге.

Мы полностью отвергаем эту софистику.

Структура картографической конструкции знания

Сосредоточив наше внимание на *природе* карт, то есть на том, что в первую очередь предполагается лишенным идеологических конструкций и картографируется — на дикой природе, землетрясениях,

3. Ibidem.

ураганах, горах, каньонах, птицах, бабочках, ластоногих, экосистемах, формах рельефа, растительности, топографии, — мы показываем, что именно *карта*, и не одна, а во взаимодействии с другими знаковыми системами, *создает* идеологию, преобразует мир в идеологию и путем печати мира на бумаге *конструирует идеологическое*. Не имеет значения, что является предметом карты. Каким бы ни был ее предмет, он будет превращен в нечто, чем не является, и в этом процессе неизбежно, неотвратно будет сделан идеологическим. Как минимум, на самом базовом уровне (*most atomistic*), это будет конструкция, изобретение, концепция — нечто, извлеченное не из мира, а из ума мужчин и женщин, ибо карты делаются не из дикой природы, землетрясений, ураганов, гор, каньонов или птиц, а из *знаков*, которые сами состоят из меток и концептов.

Карта — это поле концептов. И от этого никуда не деться.

Но дело обстоит хуже, намного хуже. Какими бы нестабильными ни были эти концептуальные атомы, для того чтобы образовать карту, они должны быть собраны в молекулы и макромолекулы значения, в которых конструкции, интересы и идеологии присутствуют в каждой точке. Но едва мы обнаруживаем это, как понимаем, что имеем дело с природой *карт*. Мы покажем, что карта — это не более чем устройство для создания и переноса авторитета в вопросах территории и в конечном счете власти над территорией. Мы продемонстрируем, что власть, на которую притязает карта, есть социальное выражение того, что карта представляет как свою «внутреннюю» и «неопровержимую» фактичность. Мы разъясним, как эта фактичность конструируется при помощи общественного согласия в отношении воплощаемых картой пропозиций. Мы покажем, как эти пропозиции принимают форму связей между условиями, состояниями, процессами и типами поведения. Наконец, мы объясним, как эти связи реализуются благодаря пространственным/смысловым пропозициям, которые мы предлагаем назвать *постингами*. Постинг — это пропозиция, имеющая форму «*это есть здесь*».

Объединяя утверждение о существовании и местоположение, постинг соединяет *природу* карты с природой *карты*. Именно здесь, на уровне постинга, утверждается, что *это* природы *есть* — водопад или утес, секвойя или синклиналь, зона высокого давления или коралловый риф, горная гряда или река — *и* что оно *есть здесь* — на этом изгибе реки или на этом плоскогорье, в этой роще или в этой седловине, в этой системе ветров или в прибрежных водах этого острова, возвышаясь над этой равниной или стекая в этот водосборный бассейн, — что *это* принимает свою *здесь*-форму, а *здесь* — свою *это*-форму. Именно благодаря постингу при-

рода делается пространственной. Утверждения «это *есть*» и «это *есть здесь*», усиливают друг друга. Здесь-утверждение предполагает проверку на реальности (ты можешь отправиться туда и проверить), и она принимает форму вызова: «Зачем бы мы разместили здесь это, если бы это было не так? Если хочешь, проверь!» Настаивать, что нечто *есть здесь*, — это исключительно мощный способ утверждать, что нечто *есть*. Нанесенные на карту вещи — неважно, насколько концептуально они пугающи — обладают настолько экстраординарным кредитом доверия, что способны поселить в общественном сознании замысловатые абстракции, стоящие на других замысловатых абстракциях: области высокого давления, Эль Ниньо, спрединг морского дна, термохалинная циркуляция.

«Не веришь этому? Проверь!»

Это есть здесь — это дерево — и *это есть здесь*, и *это есть здесь*; благодаря пространственной магии существование дерева превращается в существование леса; существование леса преобразуется в существование экосистемы, а существование экосистемы — в существование природы. Природа. В пространстве. Как пространственная вещь.

Но карта не может остановиться на этом. Иначе она не была бы картой. Остановившись на этом атомарном уровне — на уровне опространствленных вещей — карта бы свелась к своего рода пространственной онтологии. Карту делает *картой* эксплуатация ею опространствленных вещей — они сами по себе являются пропозициями «это есть здесь» — в качестве [логических] субъектов пропозиций более высокого порядка (это есть здесь, и *поэтому это есть также...*). Карта и *есть* такие пропозиции. Технически пропозиция — это высказывание, в котором субъект утверждается или отрицается своим предикатом (это есть здесь). Возьмем это растение женьшеня. Карта утверждает об этом женьшене (субъекте пропозиции), что он *есть*, и поэтому он также *есть в* [определенном месте], то есть в национальном парке Грейт-Смоки-Маунтинс (предикат пропозиции). Но может быть и наоборот (здесь есть это). Карта также утверждает о парке (новый субъект пропозиции), что он *есть*, и поэтому в нем *содержится* женьшень (новый предикат пропозиции). В любом случае карта *связывает* растение и парк.

Делая это, карта соединяет растение с системой положений и правил, являющихся всего лишь еще одним способом сказать «национальный парк». Парк не является собранием деревьев, кустарников и прочей дикой растительности. Это был бы лес. Парк — это способ *отношения к* деревьям, кустарникам и дикой растительности, кодифицированный положениями и правилами.

Некоторые из них запрещают сбор женьшеня. Собрать женьшень в национальном парке Грейт-Смоки-Маунтинс — значит заниматься браконьерством. Собрать женьшень за пределами парка, скажем, вдоль дороги в национальном лесу (Фасги или Нантахала) или на частной земле будет означать сбор урожая или кражу в зависимости от того, как данная карта связывает имеющиеся *месторасположения* этих растений с соответствующими системами положений и правил, кодексов и законов — с соответствующими правами собственности. В национальном лесу, где разрешено рубить деревья, охотиться на животных, собирать и продавать растения, каждый может получить разрешение на сбор женьшеня. Но сбор на частной земле — это кража.

Обратите внимание, здесь оказалась задействованной территория. На ней имеются национальный парк, национальный лес, участки земли, находящиеся в частной собственности. Все они в равной степени являются субъектами разных пропозиций, которые делаются картами, привлекающими тем самым территорию. Именно благодаря одновременному утверждению этих пропозиций начинает существовать территория *как таковая*. Что гарантирует нам, что пропозиции истинны, что они утверждают факты? Только *предоставленное им общественное согласие*, подтверждение судов и суда общественного мнения, голос газет и друзей: «Не следовало ходить в парк, ты должен был остаться в лесу на другой стороне дороги».

Общественное согласие и референтный объект

Постоянное согласие по поводу пропозиций, утверждаемых картами, наделяет последние авторитетом, являющимся исключительно авторитетом референтных объектов (*referencés objects*). К ним относятся каталоги, календари, конкордансы, энциклопедии, справочники, телефонные книги, словари (*Merriam-Webster, Oxford English Dictionary* (поищите в нем!)), тезаурусы (*Roget's Thesaurus*), глоссарии (в конце каждого учебного пособия), учебники (*Органическая химия* — подзаголовок отсутствует), журнал *National Geographic*, газеты *New York Times, London Times, Los Angeles Times*, программа телепередач, руководства по стилю (*The Chicago Manual of Style* — 15-е издание!), кулинарные книги, путеводители («Что говорит *Mobil Guide?*»), сноски, цитаты, юридические ссылки, священники, очевидцы, конституции, парламентские процедуры. Все они представляют собой объективирующие ресурсы, позволяющие заявителю говорить «Это не я сказал, а...», прежде чем припеча-

тать, словно могильным камнем, именем какого-нибудь уважаемого референтного объекта (*Langenscheidt, Grove, Britannica, Larousse, Merck*). Карты тоже являются объективирующими ресурсами: карты *Hammond, Bartholomew, Rand-McNally, Esselte, National Geographic Society, AAA, Mobil, Michelin, United States Geological Survey* и других государственных картографических служб, карты скоростных автодорог штатов, *Thomas Guides*, карты автобусных маршрутов, карты линий метрополитена. Карты объективируют тем, что устраняют нашу личную активность и замещают ее активностью референтного объекта, который конструировался столь многими людьми и в течение столь длительного времени, что с тем же успехом могло бы оказаться, что он вообще никем не был сконструирован («Это говорю не я, а... *все человечество*»). Цитирование усиливает авторитет источника, но также и авторитет того, кто этот источник цитирует. Отраженный свет ослепляет. Оппозиция затухает.

«Ты не веришь карте. Проверь!»

Этот вроде бы описывающий авторитет по сути является предписывающим. Телефонный справочник — это не путеводитель по номерам, из которых можно свободно выбирать (хотя, очевидно, многие так и делают): он *говорит* вам, что нужно набрать, он *предписывает* номер. Справочник улиц *дает* вам адреса. Здесь нет никаких «Хмм...», имеющих в отношении вариантов на выбор, предлагаемых тезаурусами, или оттенков значений, предоставляемых авторитетными словарями, в которых даже несмотря на это мало хмыканья или заминок по поводу правописания. Словарь *абсолютно* прескриптивен в отношении правописания, этот социальный факт мы признаем — и *наглядно демонстрируем* — в ежегодном ритуале Национального конкурса правописания (*National Spelling Bee*). Среди взаимных признаний — пишущие подтверждают авторитет словаря, словарь подтверждает орфографию пишущих — предписывающее и авторитетное сложно не заметить.

Например: в утренней газете опубликована статья о новой законодательно утвержденной в Северной Каролине школьной программе по социальным наукам. История иллюстрируется сделанным сверху большим цветным фотоснимком восьмиклассницы, склонившейся над транспортной картой штата. Ее левая рука с выставленным указательным пальцем находится на карте, в то время как правая рука переносит различные элементы — межштатные магистрали, парки штата и национальные леса — на небольшую контурную карту штата. Она — человеческий пантограф, в буквальном смысле воспроизводящий и посредством воспроизведения утверждающий существование (*этность (this-ness)*)

парков штата и национальных лесов. Прослеживая их местоположение (их *здесьность* (*there-ness*)), она одновременно воспроизводит и воспроизводя утверждает существование Северной Каролины как *штата* парков и национальных лесов. Здесьность Северной Каролины устанавливается позже, в упражнении, запечатленном еще одной цветной фотографией на внутренней странице. На этом снимке другой ученик использует глобус для определения координат штата. Во всем происходящем авторитет карты принимается как нечто абсолютно само собой разумеющееся.

Газета подтверждает своей буквально светящейся презентацией власть карты учреждать (почти в религиозном смысле): мир как сферу, Северную Каролину как штат дорог и лесов, парки штата и национальные леса как анклавы зелени (ученики раскрашивают их зеленым цветом). Именно эти подтверждения (газетой, учебной программой, школой, девочкой), повторенные несчетное количество раз (сотни и сотни раз только в этом классе), делают карту мощным механизмом создания и транспортировки авторитета в вопросах территории и в конечном счете власти над территорией.

Паракарта говорит нам, как читать карту

Сама карта, покрытый чернилами лист бумаги, настаивает на этом авторитете и власти. Редкая карта не рекламирует *в самой себе* свои утверждения как авторитетные. Подобная реклама принимает форму того, что по аналогии с «паратекстом» Жерара Женетта мы предлагаем назвать *паракартой* (см. табл. 1). Женетт разбивает паратекст на *перитекст* и *эпитекст* (отсюда, *перикарта* и *эпикарта*). «Другими словами, для тех, кто увлекается формулами: паратекст = перитекст + эпитекст»⁴.

Перитекст состоит из всех вербальных и иных элементов, которые окружают и расширяют текст с целью его представить: качество бумаги, качество переплета, тип шрифта, характер печати, суперобложка, указатель серии (если таковая имеется), имя автора (аноним, псевдоним, с титулами, без титулов и т. д.), заголовки работы, посвящения, эпитафии, вступительные слова, интертитлы, примечания, иллюстрации⁵. *Эпитекст* включает

4. Genette G. Paratexts: Thresholds of Interpretation. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 5.

5. Жак Деррида работает на смежной территории в своей трактовке *parerga* как элементов, находящихся вне или вокруг произведения (словом,

Паракарта

Перикарта
Заголовки
Фотографии
Иллюстрации
Таблицы, графики, таймлайны
Легенды, масштабные линейки, стрелки,
указывающие на север и другие
стандартные картографические
элементы
Выноска, аннотация
Составители
Обрамление, декоративные элементы

Эпикарта

Сопровождающие тексты
Реклама, отсылающая к карте
Маркетинговая копия
Письмо редактора
Письма о карте в редакцию
Производственная информация
(как была создана карта)

Табл. 1. Паракарта может быть разделена на элементы перикарты и элементы эпикарты.

в себя все паратекстуальные элементы, «материально не связанные с текстом в пределах тома, но циркулирующие, так сказать, свободно в виртуально неограниченном физическом и социальном пространстве» — например, рекламные объявления, письма, посылаемые издателями вместе с отзывами, рекламные выступления автора, интервью, лекции, *окружающие* текст для того, чтобы сформировать его рецепцию⁶. К примеру, мы держим в руке листовку книжного клуба «Избранные книги в подарок: выбери из широкого ассортимента того, что полюбили читатели», рекламирующую «Смитсоновский Атлас реки Амазонки» (*The Smithsonian Atlas of the Amazon*)⁷. Листовка, обещающая «исчерпывающее исследование», декорирована фотографией обложки этой книги, картой-врезкой и голубым бабблом, восторженно сообщающим «Более 150 цветных карт!» Восклицательный знак, большое число, заверения, что книга — среди тех, что «полюбили читатели» и представляет собой «исчерпывающее исследование», аффилиация со Смитсоновским институтом — все это, соединяясь, пози-

рамки), но также колонн здания или драпировки на статуе (словом, *hors d'oeuvres*). См.: *Derrida J. Truth in Painting* / G. Bennington, I. McLeod (trans.). Chicago; L.: University of Chicago Press, 1987, особенно P. 53–82 и весь раздел *Cartouches* (Ibid. P. 183–253). Предупреждаем: *Parergon* — это прочтение кантовской «Критики способности суждения», а *Cartouches* — эссе для каталога выставки рисунков Жерара Титуса-Кармеля. Женетта и Деррида объединяет их понимание паратекста/parerga как лиминального, порогового. См. также: *Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневно-го опыта*. М.: Институт социологии РАН, 2004.

6. *Genette G. Op. cit.* P. 344.

7. *Scientific American Book Club*, August 2003.

ционирует атлас как авторитетный и желанный. В терминах Женетта, объявление — это фрагмент эпитекта, но так случилось, что это еще и фрагмент *эпикарты* для любой карты атласа⁸.

Перикарта работает ближе. «Австралия на осадном положении», картографическое приложение от Национального географического общества, окутывает главную карту (эквивалент женеттовского «текста») семнадцать сопутствующими картами, таймлайном, таблицей, четыремя графиками, двадцатью семью текстовыми блоками, несколькими дюжинами выносок, легендами, названиями, шкалами и списком команды, работавшей над картой. Картографическая конструкция Австралии как биологического рога изобилия, осажденного ее жителями, в значительной степени определяется этой насыщенной перикартой, хотя серьезный вклад в эту конструкцию вносит и эпикарта — сопроводительная статья в *National Geographic* и ее паратекст (заголовок «Австралия: тяжелое пробуждение», анонс на странице оглавления журнала с фразой «...ныне пустынные соляные поля и сокращающаяся популяция сумчатых...», заметка «От редактора», фотографии с *их* заголовками и подписями («Кладбище скелетов со вскинутыми в прощальном жесте руками»), раздел «За кадром», последние письма редактору).

Пренебрежение паракартой, характерное для современных учебников по картографии (за исключением заголовков, легенд и масштабных линеек паракарта как будто не существует), значительно упрощает для подобных текстов игнорирование утверждений идеологической конструкции, путь к которым указывает именно паракарта. Чтобы предположить, что в данном случае на кону, мы зададим следующий вопрос: «Вызвала бы проекция, пропагандируемая немецким историком Арно Петерсом, хотя бы малейший интерес, если бы не ее паракарта?».

Ответить на этот вопрос нетрудно, так как, *не считая своей паракарты*, проекция Петерса идентична ортографической проекции Джеймса Галла 1885 года, которая никогда не привлекала никакого внимания. Перикарта Галла говорила следующее: «Орто-

8. Редко обсуждаемая в литературе по картографии, эпикарта стала темой в промежуточном пространстве между историей науки и историей картографии. Джейн Камерини, например, прямо заявляет о своем интересе «к представлению, согласно которому значение карты укоренено не только в самой карте, но и в отношении к тексту, частью которого она является». См.: *Camerini J. R. Darwin, Wallace and Maps*. PhD thesis. Madison: University of Wisconsin, 1987; *Idem. Evolution, Biogeography, and Maps: An Early History of Wallace's Line* // *Isis*. 1993. Vol. 84. № 4. P. 700–727. Приведенная цитата взята из этой статьи (*Ibid.* P. 702).

графическая проекция Галла / Равновеликая / Для физических карт, преимущественно со статистической информацией», а ее эпикарта — то же самое, но более пространно⁹. Перикарта Петерса же, помимо этого, высказывала и многое, *многое* другое (крупным шрифтом по краям карты):

Пять тысяч лет человеческой истории привели нас к порогу новой эры. Она характеризуется подъемом науки и техники, концом колониального господства, ростом осознания взаимозависимости всех наций и всех людей.

Такой момент истории требует от нас критического взгляда на наше понимание мира. Это понимание в значительной степени основывается на работе картографов той эпохи, когда Европа доминировала в мире и подвергала его эксплуатации. Удивительно, но карты до сих пор отражают эту ушедшую эпоху.

Новая карта работы немецкого историка Арно Петерса помогает исправить искажения традиционных карт. Хотя карта Петерса и превосходит традиционные карты в изображении размеров и пропорций, ее важность выходит далеко за рамки вопросов картографической точности. На кону не что иное, как наш взгляд на мир.

В сложном взаимозависимом мире, в котором сейчас живут нации, населяющие его люди заслуживают как можно более точного изображения их мира. Карта Петерса — это карта для нашего времени¹⁰.

По сути, перикарта Петерса обвиняла картографов в создании искаженных карт на службе дискредитировавшего себя европейского колониализма (в том, что они являются идеологами в плохом деле) и позиционировала свою карту в качестве уникального противоядия. Рядом с логотипом ООН в нижнем правом углу она утверждает: «Это карта была создана при поддержке Программы развития ООН».

Картографы встрепенулись! Еще больше их возбудил эпитекст, провокационная книга Петерса «Новая картография»¹¹. Самая авторитетная рецензия на «Новую картографию», написанная Артуром Робинсоном, начиналась следующим образом: «Обзор кни-

9. *Gall J. Use of Cylindrical Projections for Geographical, Astronomical, and Scientific Purposes // Scottish Geographical Magazine. 1885. Vol. 1. № 4. P. 119–123.*

10. Циркулирует множество версий этой карты с более или менее провокационными перикартами. Приведенная в основном тексте перикарта взята из версии, изданной *ODT Maps* в 2000 году.

11. *Peters A. Die Neue Kartographie / The New Cartography. Klagenfurt; N.Y.: Universitätsverlag; Friendship Press, 1983.*

ги, подобной «Новой картографии», как правило, был бы кратким, так как большая ее часть представляет собой искажение фактов. Она нелогична и глубоко ошибочна. Первая реакция на нее должна заключаться в том, чтобы просто отвергнуть ее как бесполезную». Тем не менее на протяжении следующих восьми страниц обзор разоблачает книгу Петерса¹². Будучи ученым и джентльменом, Робинсон не опустился до откровенного поливания грязью, но оценки других критиков (например, «Арно Петерс, немецкий архитектор этой новой карты, на самом деле вообще не является картографом. Он журналист и пропагандист левацкого толка, поднаторевший в „искусстве написания пресс-релизов“»¹³) звучат так, будто они правые идеологи из второсортных ток-шоу. Защищая себя, профессия атаковала *все*, особенно утверждение о новизне карты (Петерс не знал о проекции Галла), но что примечательно: критики не ограничились паракартой Петерса и даже переименованной проекцией Петерса-Галла; они начали наступление на *прямоугольную карту мира как таковую*.

Подобно многим проекциям, включая разработанную Меркатором, проекция Петерса-Галла производит прямоугольный мир. Другие проекции, например, Робинсона и Моллвейде, представляют мир искривленным. В разгар дискуссий Американский Конгресс по геодезии и картографии (*American Congress on Surveying and Mapping*) принял «строгую резолюцию, сурово осуждающую [прямоугольные карты] за „показ круглой Земли как имеющей прямые края и острые углы“»¹⁴. Эта нелепая и абсолютно неэффективная резолюция была одобрена Американской картографической ассоциацией (*American Cartographic Association*), Американским географическим обществом (*American Geographical Society*), Ассоциацией американских географов (*Association of American Geographers*), Канадской картографической ассоциацией (*Canadian Cartographic Association*), Национальным географическим обществом (*National Geographic Society*), и все по причине *паратек-*

12. *Robinson A. Arno Peters and His New Cartography // American Cartographer. 1985. Vol. 12. № 2. P. 103–111.* Удивляет сдержанный тон рецензии Робинсона, учитывая, насколько нелепой была книга Петерса.

13. *Yardley J. Review of Mark Monmonier's Drawing the Line // Washington Post. 18.12.1994. P. X3.* Ярдли создал эту язвительную фразу, соединив фразы Марка Монмонье. Но тон не может быть приписан самому Монмонье, который тщательно и скрупулезно анализировал дело Петерса в: *Monmonier M. Drawing the Line: Tales of Maps and Cartocontroversy. N.Y.: Henry Holt and Company, 1995. P. 9–44.*

14. Из передовицы *The Wall Street Journal* от 8 июня 1989 года.

ста, который лишь немногие из одобравших резолюцию готовы были бы признать в качестве части карты — карты, ими единодушно отвергнутой¹⁵.

Не удивительно, что паракарта должна иметь подобную силу. Редкий образ может обойтись без слов. Ролан Барт задавался вопросом, существует ли вообще знаковая система, которая обходится без слов:

... а есть ли хоть одна сколько-нибудь обширная система вещей, которая могла бы обойтись без языка? Не служит ли слово неизбежным посредствующим звеном любого знакового образования?¹⁶

Под *посредствующим звеном* Барт всегда понимал второпорядковое сообщение, коннотацию, паразитирующую на первопорядковом сообщении: заголовок фотографии (например, в журнале мод) или текст на карте (ее название или легенда). Среди того, что Барт называл опосредующими эффектами речи, были ее способность фиксировать (обездвиживать) восприятие на определенном уровне, прежде всего, на уровне фотографии или карты, а не бумаги, характера печати или шрифта, а затем уже переводить внимание на воротник или подол (фэшн-фотография) или на систему автомобильных магистралей (дорожная карта); способность выходить за пределы образа, интерпретировать, говорить, что *означает* узкий воротник (он сексуален) или определенный оттенок красного в легенде карты (дорога с ограниченным доступом); способность направлять внимание и делать акценты («Обратите внимание на *это!*»). В случае Петерса паракарта пытается удерживать наше внимание на свойстве равновеликости его карты, чтобы сравнить ее *по этому аспекту* с неравновеликой картой Меркатора, при этом почти игнорируя все остальное. Паракарта Петерса фиксирует наше восприятие на выбранной им теме. Но так поступает любая карта.

15. Все эти комментарии, обзоры, резолюция Американский Конгресса по геодезии и картографии, освещение в *The Wall Street Journal* и прочее (см. исследование Монмюнье, чтобы понять, насколько обширным это «прочее» было: *Monmionier M.* Op. cit.) образуют то, что Женетт называет «метатекстом». См. представление пяти видов транстекстуальности — интертекстуальность, паратекстуальность, метатекстуальность, гипертекстуальность, архитектуальность: *Genette G. Palimpsests: La literature au second degree.* P.: Seuil, 1982. Каждая из этих форм транстекстуальности играет важную роль в мире карт.
16. *Барт Р.* Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С. 33.

Когнитивная картография

Учитывая главную карту, легенду, тексты, 17 дополнительных карт, таймлайн, таблицу, 4 графика, 5 фотографий, несколько дюжин выносок, названия, масштабы и список создателей карты в случае «Австралии на осадном положении» или главную карту, текст, 7 сопутствующих карт, названия, масштабы и список создателей в случае «Карты мира Петерса», то есть учитывая эту гетерогенность, что надо делать? То есть, какой смысл ей придать? Как собрать все это воедино?

Современные учебники по картографии рассматривают эти вопросы как проблему графического дизайна: «Названия, легенды, масштабы и врезки могут быть объединены в графическую организацию карты различными способами» — утверждают авторы 6-го издания «Начал картографии», в котором ни один из приводимых ими примеров не приближается к той сложности, которую имеем в виду мы:

Все должно быть на своих местах. Разработка [карты] — это процесс достижения надлежащего равновесия. В хорошо сбалансированном дизайне ничто не является слишком светлым или слишком темным, слишком длинным или слишком коротким, слишком маленьким или слишком большим, не расположено в неправильном месте или слишком близко к краю... Работа картографа заключается в создании сбалансированного сочетания визуальных элементов так, чтобы все они «выглядели правильно»¹⁷.

На иллюстрации, сопровождающей эти замечания, изображены круги и квадраты, которые уравнивают или не уравнивают перекладину в зависимости от своих размеров и расстояния от точки опоры. На другой иллюстрации — прямоугольники разных пропорций и наставление, что только пропорция 3:5 обеспечивает «наиболее устойчивый и привлекательный формат карты». Третья иллюстрация демонстрирует различные способы организации заголовка, легенды и карты-врезки — создатель карты поощряется к сохранению всех *трех* из них, неважно, насколько сложен дизайн. Авторы «Начал картографии» *не* размышляют о тексте (с отсылками к другим текстам), 26 вспомогательных картах, названиях, масштабах и списке создателей карты. Другой текст, «Картография: дизайн тематической карты» Бордена Дента, более изощренный, но опять

17. Robinson A. H. et al. Elements of Cartography. 6th ed. N.Y.: Wiley, 1995. P. 333.

же, *ничто*, сравнимое по сложности с нашими примерами, не становится предметом обсуждения¹⁸. Вся эта традиция мышления о карте как графическом изображении вышла из иллюстрации, из рекламной традиции. Действительно, текст «Начал картографии» (первое издание вышло в 1953 году) вполне мог бы быть позаимствован из книги Уильяма Лонгиера «Рекламный макет», первое издание которой появилось в 1946 году. Например, Лонгиер пишет:

Баланс — самое важное в макете. Элементы различных размеров и форм должны образовывать в макете хорошую художественную композицию. Если правила вообще есть, то это лишь несколько формальных правил достижения хорошего баланса. Последний чем-то похож на качели. Расположив вертикальную линию в центре макета в качестве опоры, можно уравновесить элементы как по размеру, так и по весу¹⁹.

Все это неудивительно, принимая во внимание преобладающее представление, что карты сводятся к «видению». Будучи приверженцами идеи, что карты «представляют информацию», большинство картографов соответственно и подходят к дизайну карты, как если бы они занимались дизайном рекламы... или шведского стола... где цель — сделать все как можно привлекательнее, чтобы привлечь праздный взгляд.

Несомненно, все это разумные советы (хотя спорный вопрос, что должен извлечь дизайнер из знания, что «в хорошо сбалансированном дизайне ничто не является слишком светлым или слишком темным, слишком длинным или слишком коротким»), однако, учитывая, что *мы* рассматриваем карты как системы пропозиций (как *аргументы*), эти советы максимально далеки от того, что мы имеем в виду. Для нас вопрос не в том, как вещи организуются для взгляда, а в том, как дизайн (карты) способствует, ограничивает и направляет конструирование значения. Речь идет не о «представлении информации», а о конструировании значения как основы для действия. Главным для нас является вопрос о познании.

Дисциплина, больше всего повлиявшая на наше мышление, это новая и быстро развивающаяся когнитивная лингвистика. Мы считаем, что когнитивная лингвистика — хорошая модель для того, чтобы думать о картографии, о *когнитивной картографии*.

18. Dent B. Cartography: Thematic Map Design. 3rd ed. Dubuque: William Brown Publishers, 1993.

19. Longyear W. Advertising Layout. N.Y.: Ronald Press, 1946. P. 11.

Почему когнитивная лингвистика? Потому что это нерепрезентационный подход к языку, сосредоточенный на том, как мы мыслим, действуем и коммуницируем. В отличие от исторических форм лингвистики, которые преимущественно занимались природой *сигнала*, когнитивная лингвистика интересуется конструированием *значения*, на основе которого функционирует язык. Когнитивные лингвисты

... понимают под конструированием значения высокопорядковые комплексные ментальные операции, которые совершаются в отдельных областях и между областями, когда мы думаем, действуем и коммуницируем²⁰.

Это делает ее формой лингвистики, которая аналогична по своим задачам нашему теоретизированию о картографии, нацеленному на мышление, действие и коммуникацию, которым содействуют карты (то есть на когнитивную картографию). Поэтому неудивительно, что критика когнитивной лингвистикой исторических форм теоретизирования о языке во многом схожа с нашей критикой традиционных теорий картографии. Например, когнитивная лингвистика критикует традиционные теории языка за их предрасположенность резко разделять компоненты (синтаксические, семантические, прагматические) и изучать их изолированно, особенно не принимая во внимание их реальное использование в процессах рассуждения и коммуникации. Этому есть параллель в традиционных исследованиях картографии, которые не только отделяли создание карт от их использования, но и в рамках создания карт изолировали друг от друга проекцию, генерализацию, символизацию, дизайн и т. д. В своем стремлении понять, скажем, роль грамматики в конфигурации речи когнитивная лингвистика является моделью для соответствующей процедуры в картографии, например, для выяснения роли выбора проекции в формировании картины мира. Согласно Жилю Фоконье: «языковые данные страдают, если они ограничены языком»²¹, и не только потому, что язык зависит от высокоструктурированного фонового знания, разговорных значений, переговоров и прочего, но и потому, что он направлен на цель действия. То же самое может быть сказано о картах: исследование карт страдает, если оно ограничено картами.

20. *Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 1.*

21. *Ibid. P. 7.*

Более того, в отличие от исторических форм лингвистического анализа, включая семиотику (за которую мы тем не менее держимся), когнитивная лингвистика динамична и стремится понять, как значение конструируется *на лету*. Именно так мы предлагаем понимать — и моделировать — чтение карт: как процесс во времени, способствующий конструированию определенных видов значения и, в конечном итоге, поведения. Нам не интересны карты как картинки. Нас интересуют карты как важные игроки в мире действия. Карты — давайте признаем это — не просто *о* мире, но и *в* нем. Они во многом его *часть*.

Ядром когнитивной лингвистики является то, что ее разработчики называют *ментальными пространствами*. Ментальные пространства, говорит Фоконье, это «частичные структуры, которые разрастаются, когда мы мыслим и говорим». Так как эти конструкции принадлежат когнитивному уровню, это частичные *когнитивные* структуры. Это отличает их от структур языка. Подобная когнитивная структура «не является формой, лежащей в основании». Она *не* «репрезентация» языка или языкового значения и *не* связана биективно (взаимо-однозначно) ни с каким конкретным множеством лингвистических выражений. Не является эта когнитивная структура и репрезентацией мира. Но она связывает язык с миром, обеспечивая «умозаключения о реальном мире и паттерны поведения». Фоконье и Марк Тёрнер характеризуют эти ментальные пространства как «небольшие концептуальные пакеты, конструируемые по мере того, как мы говорим и мыслим, с целью конкретного понимания и действия». Эти небольшие концептуальные пакеты (или частичные когнитивные структуры), уточняют Фоконье и Тёрнер, «соответствуют активированным группам нейронов, которые соединены или подсоединяются к другим активированным группам нейронов»²². Когнитивные лингвисты думают об этих нейронных связях как об *отображениях (mappings)*. Например, конфигурация слов, которую вы прочитываете прямо сейчас, открывает в вашем мозге мыслительные пространства, то есть активирует группы нейронов, которые связываются с другими мыслительными пространствами — проецируются, отображаются на них — в процессе конструирования значения.

Эти *отображения ментальных пространств (mental space mappings)* — главная тема когнитивной лингвистики (породившая аль-

22. Ibid. P. 36; Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. N.Y.: Basic Books, 2002. P. 40, 102.

тернативный термин — *пространственная грамматика (space grammar)*):

С точки зрения обработки элементы в ментальном пространстве соответствуют активированным группам нейронов, а связь между элементами соответствует такому типу нейробиологической связи как коактивация. Согласно этому взгляду, ментальные пространства оперируют в рабочей памяти, но частично построены путем активации структур, доступных из долговременной памяти. Ментальные пространства связаны между собой в рабочей памяти. Они могут динамически модифицироваться по мере разворачивания мышления и речи и, как правило, могут использоваться для моделирования динамических отображений в мышлении и языке. Пространства содержат элементы и зачастую отношения между ними. Когда эти элементы и отношения организованы в пакеты, о которых мы уже знаем, мы говорим, что ментальное пространство фреймировано, и называем подобную организацию «фреймом»²³.

Джордж Лакофф утверждает, что эти фреймы могут быть структурированы идеализированными когнитивными моделями (ИКМ). «ИКМ» ведут свое происхождение от более ранних *планов* и *сценариев* «теории сценариев» Роджера Шэнка и Роберта Абельсона, в которой *сценарий* был гипотетической структурой знания, способной к обобщению социально приемлемых последовательностей событий. Сценарий был своего рода идеалом, которому вы пытаетесь следовать или ожидаете этого от других. Самым известным примером Шэнка и Абельсона был ресторанный сценарий. Теория сценариев, в свою очередь, установила тесные связи с теорией логики как «генерализованной юриспруденцией» Стивена Тулмина и идеями Михаила Бахтина о речевых жанрах²⁴.

Одна из самых привлекательных черт когнитивной лингвистики заключается в том способе, каким она впитала, интегриро-

23. Ibid. P. 102.

24. *Лакофф Д.* Женщины, огонь и опасные предметы: что категории языка могут рассказать о категориях мышления. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 99–110; *Schank R., Abelson R.* Scripts, Plans, and Knowledge // *Thinking: Readings in Cognitive Science* / P. N. Johnson-Laird, P. C. Wason (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 421–432. Отличный, доступный и подробный разбор ресторанного сценария см.: *Schank R.* The Connoisseur's Guide to the Mind. N.Y.: Summit Books, 1991. См. также: *Toulmin S.* The Uses of Argument. Cambridge: Cambridge University Press, 1958; *Bakhtin M.* Speech Genres and Other Late Essays. Austin: University of Texas Press, 1986.

вала и обновила множество заслуживающих внимания понятий из прошлого, обещая при этом связать их с нейрофизиологическими данными завтрашнего дня — томографией и функциональной магниторезонансной визуализацией мозга. Благодаря когнитивной лингвистике вчерашние гипотетические структуры знания или исчезнут на свалке опровергнутых моделей (эту свалку всегда стоит посетить, чтобы бросить вызов местным псам), или преобразуются в *действительные* структуры знания. Это вызывает пьянящее чувство!

«Динамика конструирования ментального пространства и установления связей между пространствами технически абстрактна, но концептуально проста», — пишут Фоконье и Ева Суитсер. «Основная идея состоит в том, что в процессе нашего мышления и речи ментальные пространства организуются, структурируются и связываются под давлением грамматики, контекста и культуры. Результатом является создание сети пространств, через которые мы проходим по мере разворачивания дискурса»²⁵. Аналогично, когда мы читаем основную карту и различные элементы паракарты — текст, дополнительные карты, заголовки, фотографии, масштабные линейки, графики, — одно или несколько ментальных пространств открываются, структурируются (зачастую ИКМ или фреймами) и связываются под нажимом графической структуры, контекста и культуры, создавая сеть пространств — одно пространство открывается после другого, — через которые мы движемся по мере того, как читаем карту и придаем ей смысл.

На рис. 1 движение через эту сеть начинается из *базового пространства*, которое устанавливает первоначальную *точку зрения* (пространство, из которого в данный момент чтения может быть достигнуто или создано другое пространство) и *фокус* (пространство, к которому активно добавляется структура), а затем *сместает* и точку зрения, и фокус по мере чтения. В естественных языках именно грамматика помогает ответить на такие вопросы как: где отправная точка (базовое пространство)? какое пространство в настоящий момент является точкой зрения? какое пространство сейчас в фокусе? каково отношение точки зрения к базовому пространству? какова природа связей между пространствами? В случае карты на эти вопросы помогает ответить графическая структура — дизайн.

25. Fauconnier G., Sweetser E. Spaces, Worlds and Grammar. Chicago: University of Chicago Press, 1996. P. 11.

Современные тексты по картографии кое-что все же знают об этом параллелизме. Например, в «Началах картографии» утверждает:

Задача дизайна карты имеет много общего с письмом. Автор — литературный дизайнер — должен использовать слова с учетом множества структурных элементов письменного языка (синтаксиса, грамматики, орфографии) для того, чтобы создать первоклассное письменное сообщение. Подобным же образом картограф — дизайнер карт — должен уделять внимание принципам графической коммуникации²⁶.

Мы уже видели пример этих так называемых принципов («ничего слишком светлого или слишком темного, слишком длинного или слишком короткого»), и, несмотря на инъекции психофизики за последние годы, все осталось по-прежнему²⁷. Как таковые эти «принципы» имеют мало отношения к структуре, обеспечиваемой грамматикой, и, конечно, в отсутствие явных аргументов по поводу масштаба не предлагают вообще никакого руководства ни для создателей карт, ни для их читателей. Однако какими бы неартикулированными ни были имплицитные принципы, замаскированные болтовней об эстетически привлекательном виде или о «правильном виде», они в действительности должны структурировать элементы карты, то есть направлять создание пространств, через которые мы двигаемся, когда читаем карту и придаем ей смысл.

Отображение пространств (*space mapping*) убедило нас — и мы убеждены, что оно убедит и вас, — что принципы, поддерживающие графический дизайн карт, полностью состоят на службе *структуры картографического конструирования знания*. Другими словами, принципы дизайна карты работают при прямом показе постингов, пригодных для использования пропозициями, появляющимися на поверхности карты в качестве неоспоримых характеристик территории, которую карта тем самым порождает.

26. Robinson A. et al. Op. cit. P. 316.

27. Справедливости ради, следует признать, что обсуждение принципов графического дизайна в «Началах картографии» относительно более изолированно и вращается вокруг вопросов читаемости, визуального контраста, отношения фигура/фон, иерархической структуры (Ibid. P. 324–338). Обсуждения этих вопросов занимают сотни страниц текста, однако по большей части являются развитием того, что содержится в производственно-технических справочниках. Сами принципы остаются на уровне «если эти визуальные отношения совпадают с намерениями картографа, то может состояться эффективная коммуникация, в противном случае графический дизайн карты скорее всего обречен на провал» (Ibid. P. 324), что, по сути, бессмысленно.

Схема ментальных пространств

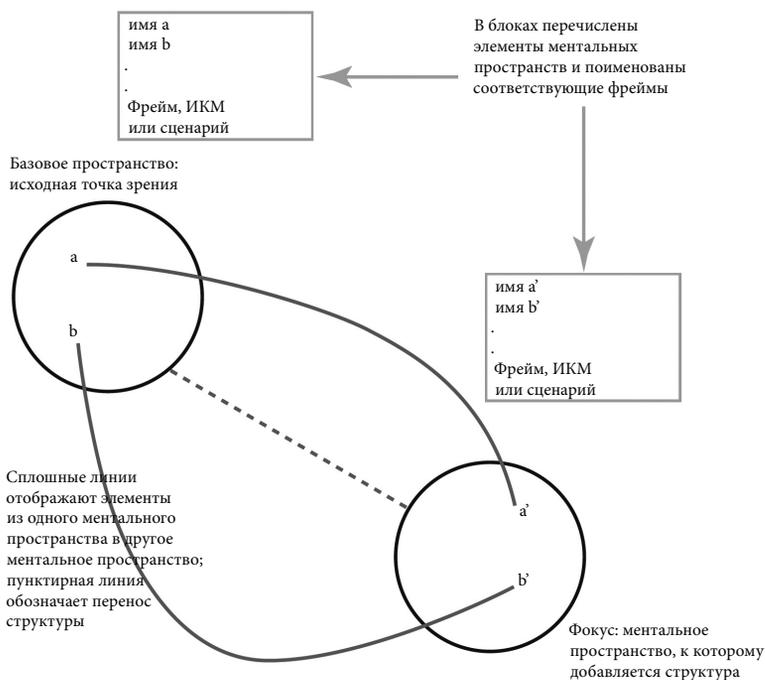

Рис. 1. На схемах когнитивной лингвистики ментальные пространства представлены при помощи окружностей. Сеть этих пространств расширяется по мере разворачивания дискурса. Первое пространство, открываемое дискурсом, рассматривается как его *базовое* пространство (на рисунке вверху слева). Элементы в пространстве обозначены буквами. Если фрейм, ИКМ или сценарий структурирует эти элементы, на схеме это изображается в виде блока, содержащего элементы и наименование фреймирующей структуры. Например, фрейм «покупка и продажа» с покупателем, продавцом, расходными материалами, деньгами, ценой и большим набором относительно собственности, обмена и т. д. Или фрейм «карта растительности» с местным полем, классами растительности и об иерархических отношениях, ожидаемом соседстве растений и пр. Продолжающийся дискурс рождает дальнейшие пространства. Пространство, к которому добавляется структура, является Фокусом (на рисунке внизу справа). Пунктирные линии показывают перенос структуры из пространства в пространство, в то время как сплошные линии — движение элементов. Схемы — это графический способ прослеживания того, что происходит.

ет и власть над которой демонстрирует. Главная цель этих принципов заключается не в том, чтобы карта «выглядела правильно», а в сохранении и усилении авторитета, и ничто не служит этой цели лучше, чем претензия — и потому впечатление — что единственное, что делают карты, это «представляют информацию».

Упомянули ли мы о том, насколько предварительной является работа в когнитивной лингвистике, насколько предварительны ее выводы? Еще более предварительный характер имеют наши предложения, которые мы тем не менее продвигаем как модель понимания того, как карты поднимаются со страниц к нам в мозг, порождая взгляды на мир, виды городов, опространственную и регионализованную природу, природу, вырванную в равной степени из капризов почитания и из изнурительной работы по таксономии; природу, способную изолироваться в качестве региона и вступить в конфликт с другими регионами. Эта опространственная природа может угрожать, и сама находится под угрозой, она может внушать благоговейный страх и быть заключена в крепкие объятия, ее можно собирать и систематизировать, она непостижимо далека и находится под рукой. Это природа в конце концов *тихо устанавливаемая на свое место*.

Восемь природ карты

Отсюда наш вопрос: место природы — какое *оно*? Мы полагаем, что сегодня карты играют важную роль во фреймировании этого вопроса и в ответах на него. То, что принимается за природу, влияет на возможности своего картографирования, а то, что понимается под картографированием, влияет на природу, которую мы можем представить себе на карте, поэтому на протяжении последних более чем 500 лет в области картографирования природы шла непрерывная эволюция, в ходе которой карты играли важную роль в человеческих делах²⁸. Ее история, несмотря на интенсивные исследования,

28. Речь не о том, что карты не играли никакой роли в человеческих делах, скажем, до 1400 года, а о том, что с этого времени они начинают играть роль, которую продолжают играть и сегодня. Наше решение провести границу именно таким образом сходно с аналогичным решением Яна Хакинга, который отнес рождение статистики к 1660 году. Дело не в том, что у статистики не было разного рода предшественников: «Мы не спрашиваем, как стало возможно *какое-нибудь* понятие вероятности. Напротив, мы должны понять вполне конкретное событие, произошедшее примерно в 1660 году — возникновение *нашего* понятия вероятности. Если и были индийские понятия вероятности 2000 лет назад, то они возникли в ходе трансформаций совершенно отличных от тех, свидетелями которых мы являемся в европейской истории» (*Hacking I. Emergence of Probability. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. P. 9*). Аналогичным образом нас интересует не множество потенциальных предшественников карты, картоподобных вещей, а карта как *мы* ее знаем и на протяжении 5–6 веков. См.: *Wood D. P. D. A. Harvey and Medieval Mapping: An Essay Review // Cartographica. 1994.*

до сих пор не написана, и мы, признавая ее важность, не предполагаем писать ее сами. Наш интерес связан с другим, с настоящим, с теми способами, какими обычные читатели карт, встречаясь с ними в течение своих жизней, обнаруживают, что карты участвуют в конструировании и реконструировании их идей о природе.

Как мы предположили выше, природа — это могущественный концепт, циркулирующий вокруг идей реального и неидеологического. Он может использоваться как тяжелое оружие для атаки на «неестественное» и как боевой стяг, вокруг которого следует сплотиться для защиты «природного». Поэтому было интересно, работая с попадавшими в наши руки картами, обнаружить столь много *разных* природ. Есть природа, которая находится под угрозой, но есть и природа, которая угрожает. Есть возвышенная, вызывающая трепет природа и есть природа милая, привлекательная и щедрая. Есть природа, которую мы собираем, и она может отличаться от природы, которую мы исследуем. Есть природа непостижимая и таинственная, а есть природа, куда мы ездим на пикник.

1. Природа под угрозой

Природа как жертва, подверженная бесчисленным угрозам, в наши дни неизбежна. Это природа, преследуемая человеком. Это природа на волоске от гибели. «Дикая природа как ее видит Canon» — заголовок серии полностраничных рекламных сообщений, которые Canon публиковал в течение многих лет в целом ряде журналов с огромным охватом аудитории: *Scientific American*, *National Geographic*, *Natural History*, *The Smithsonian*. Фотография животного (несомненно, сделанная фотоаппаратом Canon) занимает верхнюю половину страницы. Текст — одно из бартовских «посредствующих звеньев» — в данном случае сообщает: «В легкой прохладе раннего утра длиннохвостая земляная ракша роется в листовой подстилке среди тернистых зарослей, охотясь за насекомыми и их личинками. Затем пугливая птица подолгу бесшумно стоит и наблюдает за округой, медленно поднимая и опуская свой длинный хвост. Но вот несколько быстрых прыжков, и она исчезает в кустарнике»²⁹. В другом предложении описывается домашняя экономика ракши («остается со сво-

Vol. 31. № 3. P. 52–59; *Idem*. Maps and Mapmaking // *Encyclopedia of the History of Science, Technology and Medicine in Non-Western Cultures* / H. Selin (ed.). Dordrecht; Boston: Kluwer Academic, 1997. P. 549–554.

29. Наш пример заимствован из майского номера (его первых пронумерованных страниц) *National Geographic* за 2001 год.

им партнером во время гнездования»), в третьем — неминуемая для нее опасность: «Длиннохвостой земляной ракше, прикованной к узкой полоске незащищенного прибрежного леса, грозят деградация и утрата среды обитания». Непременно прилагается карта. Голубым и зеленым она показывает Индийский океан, Юго-Восточную Африку и Мадагаскар. Глаз пожилого человека с трудом различит маленькое, красное пятнышко на юго-западном берегу Мадагаскара, обозначающее оставшееся — *сокращающееся, находящееся под угрозой* — местообитание ракши. Переводя «местообитание» в пространство, карта обеспечивает среде обитания полное доверие, но одновременно драматизирует то, насколько она мала. Осажденная природа. Canon хочет помочь. Canon хочет, чтобы мы *все* помогли.

2. Угрожающая природа

Однако столь же распространены карты осаждающей природы: природы, угрожающей человеку и разрушающей. Каждое лето в нашей части страны газеты публикуют вкладыши с заголовками вроде следующего: «Штормовой трекер 2005. Ваше официальное руководство по выживанию во время урагана». Совместными усилиями *News and Observer*³⁰ и местных телевизионных каналов они получили широкое распространение и были «с гордостью спонсированы» компаниями *Jiffy Lube* и *North Carolina's Electric Cooperatives*. В этих напичканных ценными советами вкладышах («Подготовь семейный план на случай стихийных бедствий») главное — это карты. Обычно их две. На одной изображены районы, подверженные затоплению, и предлагаются маршруты эвакуации. Другая — обычно размером в пару футов — карта отслеживания урагана. Она показывает Восточное побережье и Атлантический океан, а также захватывает территорию на 30 градусов западнее. Акватория привязана к сетке с шагом в один градус. По сути, это ваш график для записи фактов о шторме, его времени, местоположении (в координатах широты и долготы) и другой относящейся к нему статистики наподобие таблицы со статистикой игры в бейсболе. Перенос широты и долготы шторма на карту позволяет его отслеживать³¹.

30. Региональная газета, издающаяся в городе Роли, административном центре штата Северная Каролина. — *Прим. пер.*

31. Похожим образом американцы, как известно, отслеживали движение линии военного фронта. О практике издателей собирать карты в наборы с флажками и булавками во время Второй мировой войны см. раздел *War Is God's Way of Teaching Us Geography* в: *Schulten S. The Geographical Imagination in America, 1880–1950*. Chicago: University of Chicago Press, 2001. P. 206–214.

По мере того как вы обновляете его местоположение, вы преобразуете ураган в нечто пространственное. *Вы* опространствливаете его. Отсюда совсем маленький шаг до синоптических карт ураганов (вроде широко воспроизводимой спутниковой карты урагана Хьюго, сделанной в лаборатории Центра космических полетов имени Годдарда, НАСА), карт, соединяющих траектории движения ураганов и карт *регионов*, подверженных ураганам. На карте «Ураганы: где дуют зловещие ветры» журнала *National Geographic* градациями синего отображена частота ураганов за сто лет³². Страна ураганов: теперь это регион — место — как и любой другой³³.

3. Природа как величие

То, что способно угрожать, может также внушать благоговение, и вызываемое ураганом чувство беспомощности и собственной незначительности сродни тому, что люди переживают, когда стоят на краю Большого каньона, глядят на Эверест или на водопад Виктория, пересекают Амазонку. Своим великолепием и возвышенностью каждое из этих мест внушает чувство *могущественности* природы, не столько ее силы (ураганы сильны), сколько ее безграничности, великодушия и *величия*. Как раз когда мы пишем эти слова, прибыла новая карта Эвереста от *National Geographic*, экстраординарный образ, фотографичный в деталях. Огромный, выходящий за пределы понимания Эверест схвачен в 19-дюймовом разрешении. Но разве *National Geographic* уже не публиковала карту Эвереста, совершенно другую, но такую же потрясающую? Совместного производства *National Geographic*, Бостонского музея науки и правительств Непала и Китая? Вообще-то, это было 15 лет назад (в ноябрьском номере 1988 года), и карта была частью длинного ряда мощных образов Гималаев. Карта «Королевство Сикким» (*The Kingdom of Sikkim*), — величественные горы, протянувшиеся с севера на юг — была издана как приложение к «Анналам Ассоциации американских географов» (*Annals of the Association of American Geographers*) в 1969 году. Четырьмя годами ранее «Анналы» опубликовали

32. Это элемент постера «Стихийные бедствия: природа в полную силу», опубликованного в качестве приложения к июльскому номеру *National Geographic* за 1998 год.

33. Марита Стёркен рассматривает этот и целый ряд других примеров в: *Sturken M. Desiring the Weather: El Niño, the Media, and California Identity // Public Culture. 2001. Vol. 13. № 2. P. 161–189.* Она фокусируется не на картах, на телевидении, но ее статья посвящена опространствливанию погоды, в производстве которого сотрудничают все подобные медиа.

«Королевство Бутан», складную карту площадью в 12 квадратных футов, отправлявшуюся вместе с журналом³⁴. До этого...

Но список длинный. Каждая из великих возвышенностей была нанесена на карту, (созданные) карты столь же необыкновенны, как и то, что они изображают, усилия, затраченные на их создание, неизменно обескураживающи (так высоко, так глубоко, так далеко). Это не природа, которой мы можем угрожать (мы даже не можем *вообразить* подобную угрозу), однако это и не природа, которая угрожает нам. Это *недоступная* нам природа.

4. Природа как рог изобилия

Но есть еще одна природа, природа, которую мы обнимаем, природа, к которой мы прижимаемся. Это природа малого и мягкого, пушистого и теплого. Это природа шерсти и перьев, птиц и пчел, цветов и семян. Если гора потрясающа, то разбросанные по ее склонам луга прекрасны; если дуб величественен, то кизил очарователен. Что угодно, только не суровость. Это природа дающая и расточительная, гигантский рог изобилия, нескончаемый поток щедрости: цветы, фрукты, ягоды, орехи. «Возвышенное *волнует*, прекрасное *привлекает*», — писал Иммануил Кант³⁵, но оно также кормит и питает — и душу не в меньшей степени, чем желудок. «Наполненная красотой, эта флористическая карта показывает происхождение 117 видов цветов, любимых человеком» — с этого начинается перикарта карты «Мир цветов». Манящие букеты цветов вырываются из сердец континентов. Группа тюльпанов благоухает в Турции, ветка пышных цветов — на Мадагаскаре, восточные маки цветут в Пакистане. Тема расточительности смешивается с темой красоты. Изобилие природы неисчерпаемо, и в еще одной карте из *National Geographic* индивидуальные портреты 67 птиц украшают карту маршрутов миграции в Северной и Южной Америке³⁶. Маршруты окаймляют континенты от полюса до полюса. Числа просто безумные: арктическая крачка за год может преодолеть 25 000 миль! *Является ли природа чем-то другим!* Карты показывают, что эта природа — цветы, деревья, птицы, тюлени, пушистые друзья — везде.

34. Karan P. P. The Kingdom of Sikkim, supplement to Annals of the Association of American Geographers 59 (March 1969); The Kingdom of Bhutan, supplement to Annals of the Association of American Geographers 55 (December 1965).

35. Кант И. Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного // Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 2. С. 129.

36. Карта «Миграция птиц» была приложением к августовскому номеру 1979 года.

5. Обладаемая природа

Прекрасная, расточительная и экзотичная природа, но еще и коллекционируемая. Мы жадно подсчитываем ее, каталогизируем, фотографируем и, возможно, даже владеем ее маленьким кусочком. Карты этой коллекционируемой и обладаемой природы — карты птичьих гнезд, горных пород и минералов, драгоценных камней, мест для охоты на крупную дичь, самых высоких вершин, звезд — заинтересованы не столько в показе, сколько в инвентаризации. На кону здесь списки, подсчеты, переписи, каталоги, статистика. У нас в руках «Список увиденного и дневник любителя птиц», роскошный том в твердом переплете, основанный на чек-листе от Американского орнитологического союза (*American Ornithological Union*). В нем наблюдатели за птицами могут вести записи. В этом издании перечисляются 715 видов птиц, оно украшено иллюстрациями Джона Джеймса Одюбона. Если списки увиденных видов редко включают карты, то полевые руководства — почти всегда. Например, в «Птицах Британии и Европы» Петерсона их 362: для каждого вида есть карта с областями размножения и ареалами зимнего обитания. Здесь карты собраны в «атлас» в конце книги, но в «Полевом руководстве по наблюдению за североамериканскими птицами западного региона Общества Одюбона» карты сопровождают текст (по одной на вид). У каждой карты есть текстуальный посредник:

Юго-восточная Аризона, южный Нью-Мексико и западный Техас, где она гнездится. Это северные окраины ее ареала обитания в остальное время, охватывающего всю Мексику³⁷.

Исторически конструирование пространственных идентичностей видов вело к конструированию синтетических регионов, разными способами составленных из того или иного числа ви-

37. A Bird Lover's Life List and Journal / N. Boucher (ed.). Boston: Museum of Fine Arts, 1992; Peterson R. T. et al. A Field Guide to the Birds of Britain and Europe. 4th ed. Boston: Houghton Mifflin, 1983; Udvardy M. D. F. The Audubon Society Field Guide to North American Birds (Western Region). N.Y.: Knopf, 1977. Джон Ло и Майкл Линч сравнивают ряд подобных полевых руководств: Law J., Lynch M. Lists, Field Guides, and the Descriptive Organization of Seeing: Birdwatching as an Exemplary Observational Activity // Representation in Scientific Practice / M. Lynch, S. Woolgar (eds). Cambridge, MA: MIT Press, 1990. P. 267–299.

дов³⁸. Такие синтезы также появляются в полевых руководствах вроде «Деревьев Северной Америки» из серии «Золотые полевые справочники»³⁹, где сотням миниатюрных карт предшествует карта лесных регионов. Здесь, например, мы читаем, что в Северном лесном регионе «дальнесеверные ассоциации деревьев» состоят из хвойных, берез и ив. В «Принципах садоводства» Хью Джонса мы находим не только карты мест, где, будучи дикими, произрастали ныне одомашненные растения, но и карты зон морозостойкости растений, которые во многом совпадают с картами зон с постоянной среднегодовой минимальной температурой⁴⁰. Подобные карты намекают на систематизацию (то есть на науку), которая поглощает коллекционируемую природу.

6. Природа как система

Природа науки и системы — далеко не то, что можно коллекционировать, так как эта природа существует в большей степени как целое, чем в своих частях. Это по самой своей сути опространственнная природа, и карты — основной способ ее познания. Здесь отдельные выходы на поверхность превращаются в страты, а страты — в геологические формации, серии почв соединяются в почвенные ассоциации, которые в свою очередь объединяются в группы почв; растительные виды оказываются в растительных ассоциациях, образующих растительные сообщества; вариации в барометрических данных вырастают в погодные системы, которые сливаются в климат. Это образцовая природа. Примеров множество: «Экологические регионы Северной Америки» Роберта Бэйли, «Гобелен времени и территории» Геологической службы США, «Растительные ассоциации в бассейне реки Чаттуга» Симона и Фелса, нескончаемые наборы тематических карт (карт форм рельефа, климата, температуры, ветров, осадков, океанических течений, естественной растительности, почв). Эта природа не на-

38. См.: *Camerini J. R. The Physical Atlas of Heinrich Berghaus: Distribution Maps as Scientific Knowledge // Non-Verbal Communication in Science Prior to 1900* / R. G. Mazzolini (ed.). Florence: Olschki, 1993. P. 479–512.

39. *Golden Field Guide* — серия книг-справочников карманного формата, публикуемых с 1966 года издательством *Western Publishing*, с 2001 года — издательством *St. Martin's Press*. — *Прим. пер.*

40. *Brockman C. F. Trees of North America: A Field Guide to the Major Native and Introduced Species North of Mexico*. N.Y.: Golden Books, 1968; *Johnson H. Principles of Gardening*. N.Y.: Simon & Schuster, 1979. Карты в *Principles of Gardening* подготовлены издательством *Mitchell Beazley*.

ходится под угрозой, и сама не угрожает. Она не вызывает благоговение, но и не является милашкой. Она не коллекционируется. Это природа, которая *познается*. Это природа науки.

7. Природа как тайна

В последнее время из науки выросла новая природа: видимая, но таинственная и *неизведанная*. Это природа, наблюдаемая из космоса. Ее конструирование оборачивает вспять обычный процесс, в ходе которого с течением времени собираются тщательно проведенные измерения, чтобы в итоге открыть, скажем, континент (как это было с постепенным появлением Северной и Южной Америки на европейских картах XV–XVI веков), океаническое течение (как на карте Гольфстрима Бена Франклина) или дыру в озоновом слое (как данные, полученные со спутника *Nimbus 7* при помощи картографической спектрометрии общего содержания озонового слоя). Эта новая видимая-но-неизведанная природа возникает как целое, по-видимому, не расчленимое концептуальными категориями. Карты этой природы схожи с фотографиями, к которым относится известное замечание Барта: «чувство „денотации“ или, если хотите, аналоговой полноты настолько сильное, что описание фотографии является в принципе невозможным». Это особый статус фотографии? Речь идет о *сообщении без кода*. По крайней мере, *кажется*, что фотография — это сообщение без кода. Но Барт показывает, что в действительности у фотографий есть код, но он основан на сообщении без кода: «Фотография *прочитывается* и связывается с традиционным набором знаков более или менее бессознательно потребляющей ее публикой»⁴¹. Также оказывается, что эти новые карты не являются фотографиями и что они все-таки карты. Коннотация — код, концепты вводятся в процессе их производства (выглядеть *как* фотография — часть этого кода). Этот новый жанр «портретных» карт представляет природу оттенков, но без каких-либо различий. «Что *это* такое?» Карта не отвечает. Все, что ты захочешь из нее сделать. Это хрупкая природа. Она находится под угрозой. Или она упругая и вязкая. Она прочная. Она далекая. Она находится где-то в другом месте. Она непостижима. Она проводник для наших тревог и адресат нашего восхищения.

41. Barthes R. Image — Music — Text. N.Y.: Hill & Wang, 1977. P. 18, 19.

8. Природа как парк

И, наконец, природа *близко знакомая*, природа, картографируемая в масштабе 2.5 дюйма на 1 милю с контурным интервалом 10 или менее футов. Это природа топографического элементарного квадратного участка Геодезической службы США и других национальных картографических служб. И вновь возникает чувство, что все может быть увидено, но здесь это «все» закодировано. На самом деле *только* закодированное здесь и существует. Чего нет в легенде (надо признать, обширной), то не существует. «Что *это* такое?» Карта возвращает ответ. Это пересыхающий поток, это мангровое дерево, это высохшее озеро, это осевшая скала, это заросли кустарника, а это галечный пляж. Но природа не выходит на передний план. Карта готова сообщить как о развалинах, взлетно-посадочных полосах, строящихся железнодорожных путях, виноградниках, гидрометрических станциях, населенных пунктах, дамбах, так и о ледниках и вечных снегах, береговых линиях, горах, болотах и реках. Здесь природа не подчинена цветистой риторике, изолированию или выдвиганию на первый план. Она не является *темой* этих карт. Она присутствует подспудно. Это природа *феноменологической* инвентаризации. На этом уровне природа располагается настолько глубоко в концептуальной рамке, что манифестирует себя в вещах, а не в отношениях и позах. Но вещи, в которых она себя манифестирует, это не холмы, реки или деревья, которые, неотличимые от культуры, лежат тут ниже уровня природы. Природа появляется как парки, памятники, заказники и заповедники. Это огороженная природа, которую мы можем посетить, которую мы можем охранять, которую мы должны охранять... потому что она находится под угрозой.

* * *

Итак, мы прошли полный круг. Только это не круг, а многомерное пространство противоречий. Это диалектическое пространство взаимопроникновения, борьбы и единства противоположностей. Восемь природ — несомненно, есть и другие, — каждая опространствлена и занимает свою область, каждая поднимается со страницы, принимая форму в ментальных пространствах когнитивной лингвистики по мере того, как мы читаем карту, разворачиваем, переворачиваем и сворачиваем ее; приближаем ее к глазам или откладываем в сторону; измеряем расстояния на ней при помощи пальцев: природа как жертва, тиран, зрелище, рог изобилия, коллекция, парадигма, тайна, парк.

Наш обзор не является систематическим. Мы не прикладываем усилий для поиска карт природы, но брали в качестве примеров те, что попадались нам под руку, пока мы занимались природой карт. <...> Просматривая лист за листом, мы все больше и больше убеждаемся в том, что карты — это игроки в сложной социальной игре, определяющей отношение нашего вида с остальным миром. Претендуя на то, чтобы быть не более чем протоколами счета игры, карты обнаруживают себя скорее как мяч, тот самый медиум, которым осуществляются ходы в игре.

Библиография

- Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003.
- Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2004.
- Кант И. Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного // Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 2.
- Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные предметы: что категории языка могут рассказать о категориях мышления. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- A Bird Lover's Life List and Journal / N. Boucher (ed.). Boston: Museum of Fine Arts, 1992.
- Bakhtin M. Speech Genres and Other Late Essays. Austin: University of Texas Press, 1986.
- Barthes R. Image — Music — Text. N.Y.: Hill & Wang, 1977.
- Brockman C. F. Trees of North America: A Field Guide to the Major Native and Introduced Species North of Mexico. N.Y.: Golden Books, 1968.
- Camerini J. R. Darwin, Wallace and Maps. PhD thesis. Madison: University of Wisconsin, 1987.
- Camerini J. R. Evolution, Biogeography, and Maps: An Early History of Wallace's Line // Isis. 1993. Vol. 84. № 4. P. 700–727.
- Camerini J. R. The Physical Atlas of Heinrich Berghaus: Distribution Maps as Scientific Knowledge // Non-Verbal Communication in Science Prior to 1900 / R. G. Mazzolini (ed.). Florence: Olschki, 1993. P. 479–512.
- Dent B. Cartography: Thematic Map Design. 3rd ed. Dubuque: William Brown Publishers, 1993.
- Derrida J. Truth in Painting / G. Bennington, I. McLeod (trans.). Chicago; L.: University of Chicago Press, 1987.
- Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Fauconnier G., Sweetser E. Spaces, Worlds and Grammar. Chicago: University of Chicago Press, 1996.
- Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. N.Y.: Basic Books, 2002.
- Gall J. Use of Cylindrical Projections for Geographical, Astronomical, and Scientific Purposes // Scottish Geographical Magazine. 1885. Vol. 1. № 4. P. 119–123.
- Genette G. Palimpsests: La littérature au second degree. P.: Seuil, 1982.

- Genette G. *Paratexts: Thresholds of Interpretation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Harley B. *The New Nature of Maps: Essays in the History of Cartography*. Baltimore, L.: The Johns Hopkins University Press, 2001.
- Hacking I. *Emergence of Probability*. Cambridge: Cambridge University Press, 1975.
- Johnson H. *Principles of Gardening*. N.Y.: Simon & Schuster, 1979.
- Karan P.P. The Kingdom of Sikkim, supplement to *Annals of the Association of American Geographers* 59 (March 1969).
- Law J., Lynch M. Lists, Field Guides, and the Descriptive Organization of Seeing: Birdwatching as an Exemplary Observational Activity // *Representation in Scientific Practice* / M. Lynch, S. Woolgar (eds). Cambridge, MA: MIT Press, 1990. P. 267–299.
- Longyear W. *Advertising Layout*. N.Y.: Ronald Press, 1946.
- Monmonier M. *Drawing the Line: Tales of Maps and Cartocontroversy*. N.Y.: Henry Holt and Company, 1995. P. 9–44.
- Peters A. *Die Neue Kartographie/The New Cartography*. Klagenfurt; N.Y.: Universitätsverlag; Friendship Press, 1983.
- Peterson R. T., Mountfort G., Hollom P. A. D. *A Field Guide to the Birds of Britain and Europe*. 4th ed. Boston: Houghton Mifflin, 1983.
- Robinson A. Arno Peters and His New Cartography // *American Cartographer*. 1985. Vol. 12. № 2. P. 103–111.
- Robinson A., Petchenik B. *The Nature of Maps: Essays Toward Understanding Maps and Mapping*. Chicago: University of Chicago Press, 1976.
- Robinson A. H., Morrison J. L., Muehrcke P. C., Kimmerling A. J., Guptil S. C. *Elements of Cartography*. 6th ed. N.Y.: Wiley, 1995.
- Schank R., Abelson R. Scripts, Plans, and Knowledge // *Thinking: Readings in Cognitive Science* / P.N. Johnson-Laird, P.C. Wason (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Schank R. *The Connoisseur's Guide to the Mind*. N.Y.: Summit Books, 1991.
- Schulten S. *The Geographical Imagination in America, 1880–1950*. Chicago: University of Chicago Press, 2001.
- Sturken M. *Desiring the Weather: El Niño, the Media, and California Identity* // *Public Culture*. 2001. Vol. 13. № 2. P. 161–189.
- The Kingdom of Bhutan, supplement to *Annals of the Association of American Geographers* 55 (December 1965).
- Toulmin S. *The Uses of Argument*. Cambridge: Cambridge University Press, 1958.
- Udvardy M. D. F. *The Audubon Society Field Guide to North American Birds (Western Region)*. N.Y.: Knopf, 1977.
- Wood D., Fels J. The Natures of Maps: Cartographic Constructions of the Natural World // *Cartographica*. 2008. Vol. 43. № 3. P. 189–202.
- Wood D. *Maps and Mapmaking* // *Encyclopedia of the History of Science, Technology and Medicine in Non-Western Cultures* / H. Selin (ed.). Dordrecht; Boston: Kluwer Academic, 1997. P. 549–554.
- Wood D. P.D.A. Harvey and Medieval Mapping: An Essay Review // *Cartographica*. 1994. Vol. 31. № 3. P. 52–59.
- Yardley J. Review of Mark Monmonier's *Drawing the Line* // *Washington Post*. 18.12.1994.

THE NATURES OF MAPS: CARTOGRAPHIC CONSTRUCTIONS
OF THE NATURAL WORLD

DENIS WOOD. Independent scholar, Raleigh, NC, USA, denis.wood@mac.com

JOHN FELS (1948–2014). American cartographer, expert on geographic information systems.

Keywords: map; mapping; construction; nature.

This article is an adaptation of the first chapter of the authors' book of the same name. The main conceptual move they propose is to take seriously the ambiguity of the expression "nature of maps" — the need to investigate the nature of *maps* by investigating the *nature* of maps, and vice versa. Each of these two natures can only be understood in light of the other. The article consists of three thematic parts. The first, based on the ideas of Gérard Genette and Roland Barthes, presents the map as a complex semiotic device and inevitably an ideological construction. By analogy with the paratext, which Genette divided into peritext and epitext, the notion of paramap (perimap + epimap) is introduced, allowing us to describe the map as a powerful mechanism for the creation and transportation of authority in matters of territory and, ultimately, power over territory.

The second part of the paper, in the mode of preliminary assumptions, substantiates the thesis that cognitive linguistics with its basic principles and notions (first of all, mental space and mapping) is a good model for thinking about cartography. The third part, using concrete maps as examples, shows how they participate in constructing and reconstructing our ideas about nature, and indeed about many different kinds of nature: nature threatened and threatened, nature sublime and nature generous, nature that we collect and nature that we explore, nature mysterious and unknowable, nature where we go for a picnic. The cards turn out to be players in a complex social game that defines the relationship of the human species to the rest of the world. But pretending to be a mere scorekeeper of the game, the cards reveal themselves, rather like a ball, to be the very medium by which moves are made in this game.

DOI: 10.17323/0869-5377-2023-1-97-129